

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-86-105

*О. А. Николайчук*¹

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ²

Вскрыты причины и последствия нестабильного экономического роста в современной России на фоне снижения инвестиционной активности и как следствие – уровня жизни. Проанализированы динамические показатели ВВП, в том числе на душу населения, и расходы на НИОКР. Особое внимание уделено продолжительной стагнации ВВП и отставанию по этому показателю от развитых стран. Отмечены проблемы уменьшения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), их нестабильность за последние 14 лет. Рассчитан коэффициент корреляции, отражающий положительную умеренную связь между ПИИ и ВВП России. Снижение расходов на НИОКР, технологическое отставание России, последствия использования «нефтяной иглы», слаборазвитость МСП, неравномерность экономического развития мешают стабильному экономическому росту, развитию отечественного технологически ёмкого производства и повышению благосостояния граждан. К аналогичным выводам пришли и зарубежные исследователи. Для выхода экономики России из длительной стагнации предлагается пересмотреть вектор развития экономики – от сырьевой направленности к перерабатывающим производствам сырьевых товаров и продаже не просто нефти, а продуктов её переработки до бензина, керосина, полипропилена и пр. с оптимизацией затрат и увеличением производительности труда. Для этого предложено создать крупномасштабный фонд развития высоких технологий из части доходов от экспорта углеводородов. Государственный аппарат должен проработать вопрос среды ведения бизнеса – речь идёт о коррупционной, патентной, мошеннической и налоговой составляющих в этой сфере. Новая политика государства в отношении бизнеса рассматривается как один из способов борьбы с экономическими проблемами. Предлагаются переход к прогрессивной ставке налогообложения и перераспределение сверхвысоких доходов одного процента граждан на развитие регионов и экономики в целом. Для про-

¹ *Ольга Алексеевна Николайчук*, профессор Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ (125993, РФ, Москва, Ленинградский пр., 49), д-р экон. наук, e-mail: OANikolaichuk@fa.ru.

² Автор благодарит *Рустема Махмудовича Нуреева* за информацию, используемую на рис. 8–11, и *Павла Валерьевича Ключевого* за информацию, используемую на рис. 1–4.

рыва в отечественной экономике необходимы диалог государства и бизнеса, государства и общества, а также использование новых достижений управленческой мысли в области регионоведения, резервов институционального подхода.

Ключевые слова: стагнация ВВП, экономический кризис, прямые иностранные инвестиции, технологическое отставание, «нефтяная игла», структура импорта и экспорта, МСП, экономическая дифференциация населения, институциональный подход.

УДК 338.124.4

Современные экономические реалии требуют всё больше усилий, знаний, действий для проработки и решения проблем отечественной экономики. Данные проблемы особенно ярко проявляются во время макроэкономической нестабильности, вызванной политическими, социальными или экономическими потрясениями: коронакризисом, жёсткими политико-экономическими санкциями, геополитической обстановкой. Названные факторы вкупе с внутренними проблемами негативно влияют на российскую экономику, усугубляя положение, ухудшая благосостояние граждан и деловую активность.

Рассмотрим проблемы отечественного экономического роста через призму теоретических моделей экономического роста Домара, Харрода и моделей эндогенного экономического роста. Во главу угла первых поставлена идея поступательного, гарантированного экономического роста, а в формулах расчёта темпа экономического роста присутствует показатель предельной склонности к сбережению и предельной производительности капитала. Модели эндогенного экономического роста основаны на роли человеческого капитала в экономическом развитии стран. Ранее при исследовании инвестиционно-сберегательной функции домашних хозяйств нами были сделаны выводы о снижении предельной склонности к сбережению (S_y) в современной России. Попробуем оценить возможности увеличения предельной производительности капитала как показателя, способного сохранить динамическое равновесие в модели названных авторов.

Обзор литературы

Некоторые исследователи решают динамические задачи распределения дохода на потребляемую и инвестируемую части с использованием методов оптимального управления. Предполагается, что основное экономическое тождество верно, т. е. доход есть сумма потребления и инвестиций. Под доходом понимается либо валовой внутренний продукт (ВВП) в чистом виде, либо национальный доход. Потребление также понимается по-разному: в чистом виде или совокупное потребление. Анализируется макромоделю Харрода, Домара с капиталоемкостью, достаточной для непрерывного роста доходов. В частности, показано, что уравнение баланса накопленных сбережений домашних хозяйств также удовлетворяет основному экономическому тождеству, и капиталоемкость может меняться. Поскольку домохозяйства могут достаточно успешно сберегать и демонстрируют в целом выживание, автор модифицирует рассмотренные макромоделю, заменяя заданные производственные функции задачей максимизации интегральной дисконтированной полезности потребления [1]. В этом случае функция полезности удовлетворяет условию Эрроу – Пратта относительного неприятия риска.

Иными словами, домашние хозяйства не склонны к риску и могут сберегать известными и надёжными способами. Это надо учитывать в современной российской действительности в условиях снижения предельной склонности к сбережению. На

наш взгляд, нововведения в сфере сбережений возможны лишь при государственном страховании нетрадиционных инвестиций граждан.

Теоретики-экономисты на основе моделей Домара, Харрода, используя математические допущения, рассматривают влияние на экономический рост эффекта памяти. Последний означает зависимость процесса не только от текущего состояния, но и от истории его изменений в прошлом. Показано, что эффект памяти может приводить к уменьшению выпуска продукции, а не к его росту [2].

Интересное исследование по проблемам экономического роста с 1981 по 2020 г. проведено в Нигерии. Чтобы экономический рост имел место, должно быть достигнуто равенство между сбережениями и инвестициями. Однако на самом деле некоторые факторы могут нарушить это равенство – повлиять на предложение сбережений и спрос на инвестиции. В исследовании использовались показатели мирового развития и данные из статистических бюллетеней Центрального банка Нигерии. В основу анализа положена модель векторной авторегрессии. Результаты показывают незначительную связь между валовыми внутренними сбережениями, валовым накоплением капитала и экономическим ростом. Также был сделан вывод о незначительном влиянии валовых внутренних сбережений, валового внутреннего продукта и кредитной ставки на валовое накопление капитала. Напротив, обнаружено, что ВВП и кредитная ставка значительно влияют на валовые внутренние сбережения и существует двунаправленная причинно-следственная связь между ВВП и валовым накоплением капитала.

Отсутствие причинно-следственной связи между сбережениями, инвестициями и экономическим ростом в Нигерии объясняется неэффективным финансовым посредничеством при распределении сбережений, недостаточным использованием денежно-кредитной и фискальной политики для стимулирования инвестиций и другими факторами. В исследовании рекомендуется поощрять сбережения за счёт роста дохода на душу населения. Это возможно путём повышения производительности во всех отраслях экономики. В исследовании рекомендуется гибкое и эффективное использование денежно-кредитной и фискальной политики (что соответствует текущим экономическим реалиям в стране), чтобы связать сбережения и эффективно инвестировать и, следовательно, способствовать экономическому росту.

Значительная часть исследований посвящена влиянию иностранных инвестиций на экономический рост в странах с переходной экономикой, например [3]. Некоторые учёные эмпирическим путём доказали, что в переходный период в странах с более крупными ПИИ внутренние сбережения тоже были высокими и отличались на 0...4 %, а в странах с меньшим объёмом ПИИ внутренние сбережения отличались от ПИИ на 8...14 %.

Тем не менее исследование влияния ПИИ на экономический рост ограничивается странами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), а страны СНГ не изучены до сих пор. В последнее время появлялись работы, исследовавшие влияние ПИИ на экономический рост в странах СНГ.

По сравнению с другими видами движения капитала ПИИ обычно считаются наиболее стабильными и надёжными, особенно во время существенных социальных и организационных изменений. Прежде всего это касается стран СНГ, которые прошли через трудный переходный процесс после распада СССР и пережили несколько нефтяных и финансовых кризисов с 1992 г. Это привело к низкому уровню внутренних инвестиций и поиску ПИИ (они составляли около 40 % внешних инвестиций).

ПИИ как средство ускорения экономического роста способствовали развитию теоретических и эмпирических исследований факторов, влияющих на их увеличение в национальной экономике. А. А. Беван и С. Эстрин [3] обнаружили, что рост ВВП является одним из определяющих факторов внешних инвестиций в страны с переходной экономикой. Это объясняет, почему страны Центральной и Восточной Европы были основными инвесторами стран с переходной экономикой.

Д. Глигорич, З. Борович, В. Вуянич [4] исследовали влияние ПИИ на экономический рост в Армении, Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, Российской Федерации, Таджикистане и на Украине в 2000–2015 гг. с использованием ARDL (модели объединённой средней группы/AR с распределённым запаздыванием) с предположением о положительном влиянии на экономический рост увеличения притока ПИИ. Кроме того, предложенная модель особенно информативна, когда все переменные неизменны и наблюдается положительное влияние ПИИ на экономический рост.

С. Ашуров [5] исследовал и определил детерминанты ПИИ в странах Центральной Азии, в частности в Таджикистане, Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане и Узбекистане, в период 2000–2017 гг.

Дж. Грабара вскрыл наличие двусторонней связи между прямыми иностранными инвестициями в Казахстан и Узбекистан и ростом потребления возобновляемой энергетики. Исследование основано на данных, полученных с 1992 по 2018 г. Основным фактором, влияющим на возобновляемую энергетику, является рост потребления электроэнергии. Исследователь приходит к выводу: чтобы уменьшить зависимость от топливных источников энергии, этим странам необходимо привлекать энергию возобновляемых источников энергии.

О. Гречишкина, М. Самахаец [6] определили роль и значение ПИИ в инновационном развитии Республики Беларусь. Анализ показал, что прямые зарубежные притоки инвестиций отличаются значительными колебаниями по годам. В структуре притока ПИИ преобладают долговые инструменты, а инвестиционный климат Беларуси достаточно низок. Авторы предлагают сконцентрировать усилия на привлечении ПИИ в развитие высокотехнологического сектора (V и VI технологические уклады). Это позволит не только улучшить инвестиционный потенциал Беларуси, но и осуществлять структурную экономическую трансформацию инновационным способом. Перспективы дальнейших исследований авторы связывают с изучением способов активизации научной деятельности и сотрудничеством Республики Беларусь с зарубежными странами.

Бураков, Инсте, Фредин [7] исследовали связь между потреблением, открытостью торговли, обменным курсом и ПИИ в Россию и Беларусь за период с 1997 по 2017 г.

В последние два года политико-экономические исследования экономического роста акцентируют внимание на росте без развития, а политики вводят термин отрицательного экономического роста. В статье А. В. Бузгалина и др. [8] даётся системная характеристика основных особенностей постсоветской экономики с использованием методологии и категориального аппарата классической политической экономии, классического институционализма и других гетеродоксальных направлений экономической теории. Авторы рассматривают влияние природно-климатических, пространственных, а также исторических характеристик России на формирование этих особенностей. Выделяются основные этапы эволюции российской экономики и характерные для них черты роста/спада макроэкономических количественных показателей. Особое внимание уделяется качественным индикаторам, характеризующим социальные результаты и противоречия в развитии основных сфер экономики. На

этой основе формулируются выводы: определяются причины глубокого спада в 1990-е гг., экстенсивного развития в 2000-е гг. и стагнации в 2010-е гг. В завершение подчёркивается неслучайное наличие двух основных концепций дальнейшего развития России: 1) неолиберальной, 2) концепции, ориентированной на активизацию общественного регулирования и социальной направленности развития.

Для науки наиболее ценно рассмотрение места шumpетерианской идеи созидательного разрушения в эндогенных моделях роста и актуальность этой идеи для укрепления национальной конкурентоспособности [9]. Авторами (Д. Д. Катуковым и др.) выявлено отличие моделей шumpетерианского направления от модели Ромера. Проанализировано современное понимание созидательного разрушения, в частности, связь этого процесса с динамизмом конкурентного вытеснения низкоэффективных фирм высокоэффективными, а старых технологий и продуктов – инновационными.

Рассмотрим реальную ситуацию.

Динамика ВВП и инвестиций России

Первый и самый заметный признак экономического кризиса в России – отсутствие стабильного экономического роста. ВВП России подвержен сильным колебаниям (рис. 1): по данным Всемирного банка, в 2010 г. он составил 1524,9 млрд долларов, а в 2020 г. – 1483,5 млрд долларов³, т. е. номинальный ВВП России в долларовом эквиваленте за 10 лет снизился на 41,4 млрд долларов.

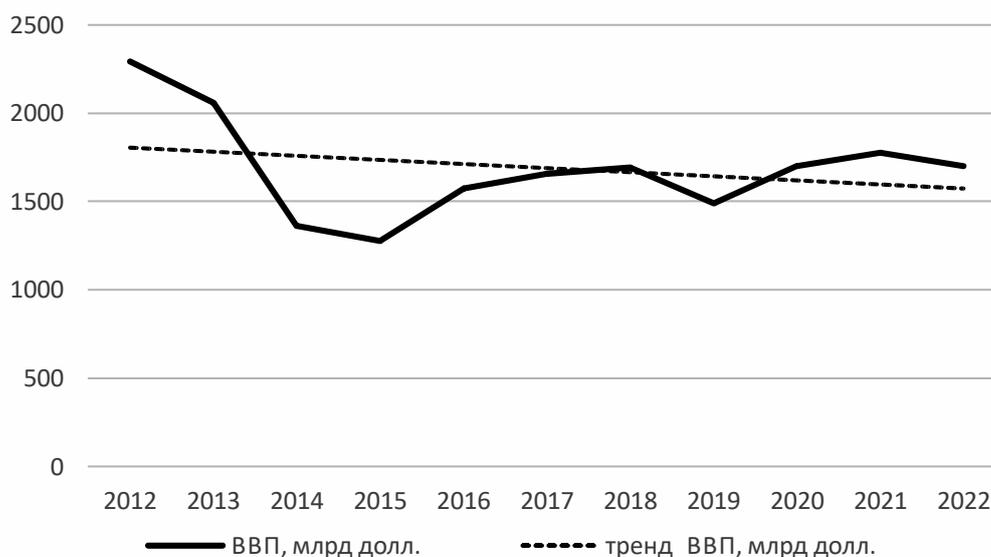

Рис. 1. ВВП России в текущих ценах в долларовом эквиваленте (составлено автором по данным Всемирного банка // The World Bank. URL: GDP (current US\$) – Russian Federation | Data (worldbank.org) (дата обращения: 01.11.2022) за 9 месяцев)

³ The World Bank. URL: GDP (current US\$) – Russian Federation | Data (worldbank.org). (дата обращения: 28. 10.2022; 08.11.2022; 06.11.2022).

Из рис. 1 видно, что экономика России на протяжении 10 лет испытывала подъёмы и падения. Сегодня мы имеем реальную стагнацию, топтание экономики на месте, о чём неоднократно заявляли российские экономисты. Это показывает и сравнение динамики ВВП России, Германии и мира (табл. 1). Экономический рост в России за 11 лет не наблюдается, в то время как ВВП Германии вырос на 15,4 %, а в мире – на 21,4 %. Доля России в мировой экономике снизилась с 2,29 % в 2010 г. до 1,75 % в 2020 г.⁴ Это также доказывает, что последние 11 лет экономика России находится в стагнации.

Таблица 1

Динамика ВВП России, Германии и мира за 2012–2022 гг., %
(составлено автором по данным Всемирного банка // The World Bank. URL: GDP (current US\$) – Russian Federation | Data (worldbank.org) (дата обращения: 01.08.2023)

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022*	Динамика ВВП за 10 лет
Германия	0,942	1,058	1,041	0,864	1,033	1,062	1,08	0,978	0,989	1,123	1,06	1,14
Россия	1,079	1,038	0,898	0,662	0,936	1,233	1,053	1,018	0,879	1,153	0,954	0,836
Мир	1,023	1,028	1,027	0,944	1,016	1,064	1,062	1,015	0,968	1,055	0,884	1,14

* За 9 месяцев 2022 г.

Что касается уровня жизни, его примерно можно определить по показателю ВВП на душу населения. В 2021 г. в России этот показатель составил 10793 долларов (в 4,81 раза меньше, чем в Германии и в 1,05 раз меньше среднемирового уровня), а за 9 месяцев 2022 г. – 14 665 долларов. То есть уровень жизни в России ниже, чем в развитых странах, и за 17 лет данная проблема не была решена (рис. 2). Отсюда напрашивается вывод о неспособности современной российской экономической системы обеспечивать стабильный рост и повышение уровня жизни. Очевидно, что без принятия необходимых мер, без изменений в экономической системе экономика продолжит стагнировать.

Экономическое развитие зависит от внутренних и внешних факторов, от глобальных мировых и внутренних тенденций функционирования государства и экономики. Важно понимать, что экономика находится на пересечении многих других важнейших институтов. Экономика, социология, право, политика – взаимозависимые части единой системы жизни общества: изменение в одной части этой системы прямо влияет на изменение в другой. Так, например, после развала СССР на геополитической арене сложилась ситуация доминирования Западного мира в лице США. Вектор силы стал однополярным, в связи с чем неугодные политике Запада страны были подвергнуты сильному экономическому и военно-политическому давлению США и их союзников. Пример – множественные военные операции в Ираке, Иране, Сирии, Ливии, Югославии. Попытки проведения цветных революций в России и Беларуси, вполне удавшаяся попытка на Украине, создающая сегодня серьёзные проблемы нашему государству. Однако с развитием других независимых держав (России, Китая, Индии) военно-политическая и экономическая гегемония США стала снижаться, подчеркнул в своём докладе эксперт международного дискуссионного клуба «Валдай», эксперт по вопросам внешней политики России и США Д. В. Суслев⁵.

⁴ The World Bank. URL: GDP (current US\$) – Russian Federation | Data (worldbank.org). (Дата обращения: 28. 10.2022; 08.11.2022; 06.11.2022).

⁵ Особенности современной внешней политики США / НИУ ВШЭ. URL: <https://we.hse.ru/interschool/news/234509023.html>. (дата обращения: 08.07.2023).

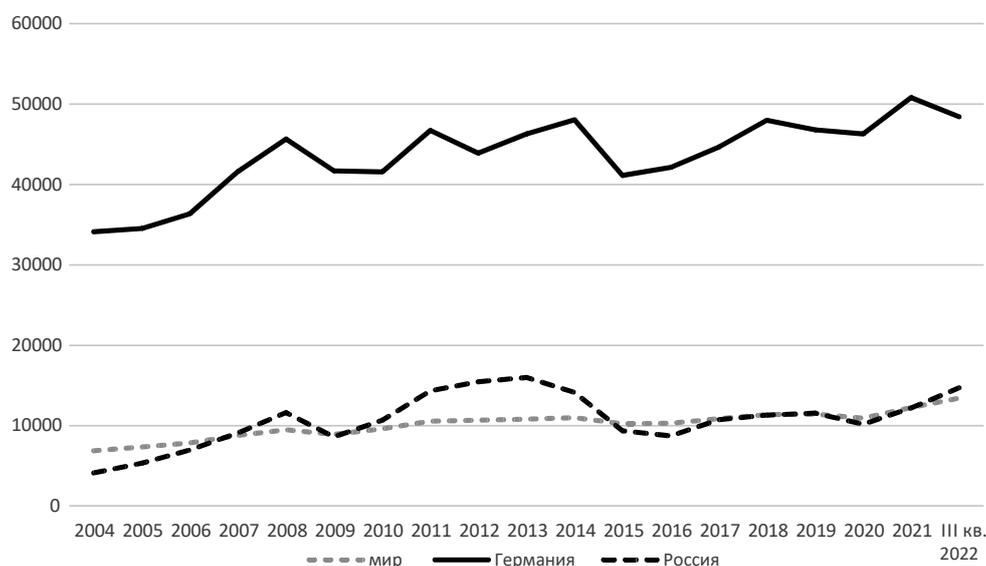

Рис. 2. ВВП на душу населения в России, Германии и мире (2004–2022 гг.) (составлено автором по данным Всемирного банка // The World Bank. URL: World Development Indicators | DataBank (worldbank.org) (дата обращения: 06.11.2022); ВВП России по годам: 1991–2022. Режим доступа: URL: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/> (дата обращения: 21.11.2022); Что такое ВВП и почему по его значению нельзя говорить об экономике в целом. Режим доступа: URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10974865> (дата обращения: 21.11.2022); Глобальный ВВП мира: 1980–2022. Режим доступа: URL: <http://global-finances.ru/vvp-mira-po-godam/> (дата обращения: 21.08.2023)

Кроме того, за последние 10 лет Россия стала активно заявлять о своих интересах – геополитических и в сфере безопасности. Именно поэтому экономическое сдерживание России странами Запада продолжается с новой силой.

Описывая политическую ситуацию вокруг России, необходимо понимать, что напряжение в этой сфере напрямую влияет на экономическое давление внешнего мира. Поэтому интересен анализ инвестиционного климата как проявление реакции внешнего мира на российскую экономику. Начнём с анализа данных ЦБ РФ. Остатки прямых иностранных инвестиций (2010–2023 гг.), млрд долл.: 2010 – 377,447 ; 2011 – 488,993; 2012 – 454,949; 2013 – 514,926; 2014 – 565,654; 2015 – 471,491; 2016 – 347,69; 2017 – 477,67; 2018 – 529,644; 2019 – 497,366; 2020 – 586,994; 2021 – 539,747; 2022 – 692,156; апрель 2023 – 402,426 (составлено нами по данным ЦБ РФ // http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/#highlight=2022%7C%D0%BF%D1%80%D1%8F%D0%BC%D1%8B%D1%85%7C%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 21.11.2022); http://www.cbr.ru/statistics/macroitm/svs/p_balance/ (дата обращения: 14.09.2023).

Отметим, что в I квартале 2022 г. остатки ПИИ в Россию выросли, во II квартале приток ПИИ оказался отрицательным, а в III квартале – вновь положительным. Опираясь на данные ЦБ, представим динамику ПИИ в РФ с 2007 по 2021 г. (рис.3).

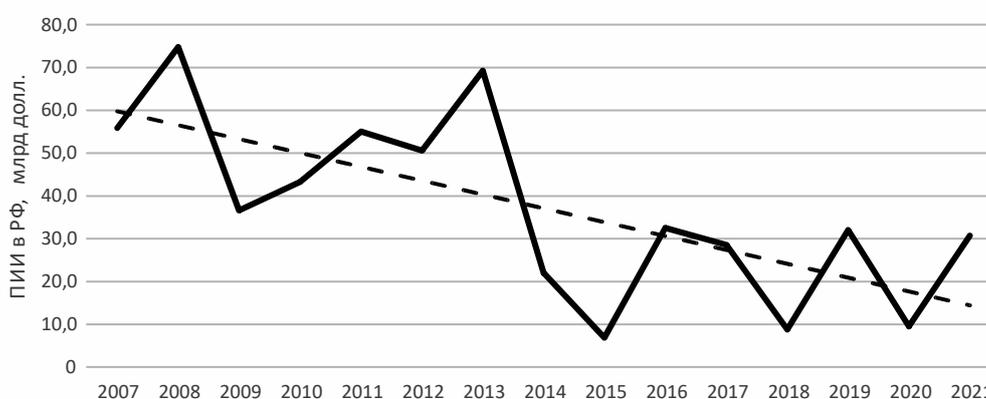

Рис. 3. ПИИ в Россию (— — тренд) (составлено автором по данным Центробанка России // Статистика внешнего сектора. Банк России. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/21-dir_inv.xlsx) (дата обращения: 06.07.2023)

При проведении линии тренда видно, что ПИИ в России с 2007 г. уменьшаются. Анализируя рис. 3 и представленные выше данные, несложно заметить, что после введения Западом санкций в 2014 г. ПИИ снизились с 69,2 млрд долларов в 2013 г. до 6,8 млрд долларов в 2015 г. (на 90,2 %⁶); в то же время ВВП сократился с 2292,5 до 1363,5 млрд долларов (на 40,5 % относительно 2013 г.). Наблюдается прямая связь между уменьшением ПИИ и снижением ВВП, следовательно, России необходимо увеличивать инвестиционную привлекательность. Благодаря ПИИ реинвестируются доходы иностранного сектора, происходят наращивание основных фондов и передача нематериальных активов (технологий, информации и т. д.). ПИИ достаточно важны для дальнейшего развития экономики России, это подтверждают исследования выборки (табл. 2), в которой ПИИ являются факторным признаком, а ВВП – результативным. С помощью формулы КОРРЕЛ в Excel нами вычислен коэффициент корреляции. В данной выборке он равен 0,6743, что говорит о положительной умеренной связи между ПИИ и ВВП России.

Таблица 2

Прямые иностранные инвестиции и ВВП России с 2010 по 2022 г.*

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
ПИИ, млрд долл.	43,2	55,1	50,6	69,2	22,0	6,9	32,5	28,6	8,8	32,0	9,5	30,7	-19
ВВП, млрд долл.	1 524,9	2 045,9	2 208,3	2 292,5	2 059,2	1 363,5	1 276,8	1 574,2	1 657,3	1 687,4	1 483,5	1 710,0	1 674

* Составлено автором по данным Центробанка России // Статистика внешнего сектора. Банк России. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/directinvestment/21-dir_inv.xlsx (дата обращения: 06.04.2022) и Всемирного банка // The World Bank. URL: GDP (current US\$) Russian Federation | Data (worldbank.org) (дата обращения: 01.04.2022). <https://lenta.ru/news/2023/07/06/ininvesticii/> (дата обращения: 14.09.2023).

⁶ The World Bank. URL: GDP (current US\$) – Russian Federation | Data (worldbank.org). (дата обращения: 28. 10.2022; 08.11.2022; 06.11.2022).

Из приведённых фактов следует, что на фоне политико-экономического давления на Россию ПИИ нестабильны и последние 14 лет имеют тенденцию к снижению, что влияет на уменьшение ВВП в долларовом эквиваленте. Безусловно, ПИИ не единственный фактор, влияющий на экономический рост России, но в современном мире он имеет важное значение, и его недостаток – это одна из причин разрастания кризисных явлений в экономике России.

Внутренние источники передового производства

Недостаток ПИИ отчасти влияет на развитие высоких технологий в России. А что касается недостатка вложений в НИОКР, это проблема иного характера, так как её последствия в долгосрочной перспективе значительны. На протяжении десятилетий Россия отстаёт в развитии передового производства (далее – ПП). Реалии российской экономики показывают, что всего около 1 % ВВП приходится на вложения в НИОКР – это большое упущение российской экономики, учитывая, что даже развитые страны неуклонно наращивают вложения в НИОКР (рис. 4). Так, Япония увеличила вложения в НИОКР с 2,9 % от ВВП в 2000 г. до 3,2 % в 2018 г.; в Китае за аналогичный период этот показатель вырос с 0,9 до 2 %; в Германии – с 2,4 до 3,1 % от ВВП⁷. По мнению зарубежных исследователей [10, с. 1572], влияние технологических возможностей на инвестиции в НИОКР различается в зависимости от положительных и отрицательных потрясений и может быть основой для принятия решений в области НИОКР.

Результаты показывают, что технологические возможности усиливают эффект внутреннего денежного потока и вызывают волатильность инвестиций в НИОКР, когда продажи превышают таковые в предыдущем году – это позитивные потрясения. Однако технологические возможности компенсируют эффект внутреннего денежного потока и вызывают постоянство инвестиций в НИОКР, когда объём продаж снижается по сравнению с объёмом в предыдущем году – это негативные потрясения. Из сказанного следует, что инвестиции зависят в первую очередь от технологических возможностей каждой фирмы. Отставание России по данному показателю подтверждает, что наша экономическая система на данный момент не направлена на создание собственных высоких технологий (см. рис. 4).

Расходы на НИОКР играют ключевую роль в технологическом развитии экономики, способствуют увеличению независимости от импортных технологий и оборудования. Несомненно, ИКТ, микроэлектроника, аддитивное производство, биотехнологии, точное машиностроение задают вектор современного экономического развития. К сожалению, Россия проигрывает мировую конкурентную борьбу на этих рынках развитым странам. Так, свыше 40 % товарного импорта в России – машины, оборудование, транспорт – продукты, в производстве которых используются точное машиностроение, ИКТ, микроэлектроника, т. е. технологически ёмкие компоненты⁸. Это говорит о сильной зависимости России от импорта технологий и оборудования. Вспоминая теорию Домара, Харрода, отметим, что современные зарубежные исследователи изучали связь инноваций и производительности. Выполнив анализ на выборке испанских производственных компаний за три года, они выяснили, что на первом этапе необходимо оценивать эффек-

⁷ Статистика внешнего сектора / Банк России. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/21-dir_inv.xlsx (дата обращения: 09.11.2022).

⁸ Россия на рынках передового производства. М.: Издат. дом Высшая школа экономики, 2021. С. 9.

тивность технологических инноваций на основе глобального индекса Малмквиста. На втором этапе проанализировано влияние эффективности технологических инноваций на деятельность фирмы с помощью обобщённого метода моментов. Результаты подтверждают аргументы в пользу того, что наилучшее измерение результатов технологических инноваций – это эффективность, с которой они разрабатываются [11, с. 1243]. Кроме того, отмечено незначительное влияние уровня технологической активности и размера фирмы на соотношение эффективности и производительности [12, с. 278].

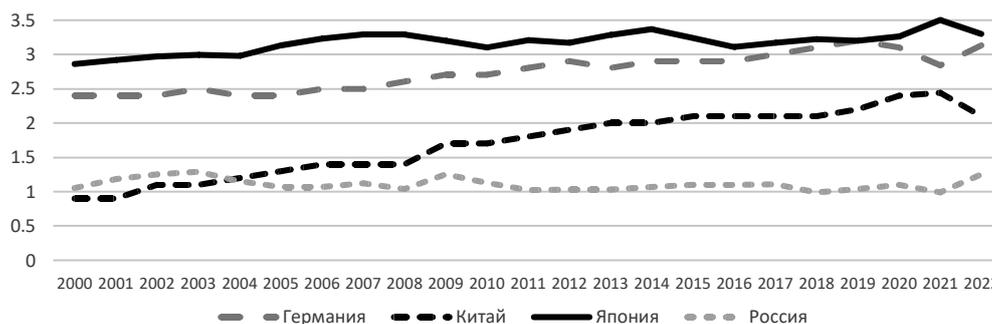

Рис. 4. Расходы на НИОКР, % от ВВП (составлено автором по данным Всемирного банка // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?locations=RU>. The World Bank Research and development expenditure (% of GDP) – Russian Federation, China, Germany, Japan | Data (worldbank.org); 2022 Global Funding Forecast: R&D variants cover more than the pandemic – Research & Development World (rdworldonline.com); Global R&D Funding Forecast 2021 Released (therobotreport.com) (дата обращения: 21.07.2023)

В рамках современного исследования становится очевидным, что в условиях снижения реальных доходов населения, падения предельной склонности к сбережению и предельной производительности применяемого капитала нельзя рассчитывать на увеличение и даже на сохранение имеющихся темпов прироста капитала. Поэтому важно найти способ выхода из сложной экономической ситуации для нашей страны. Рассмотрим экспортно-импортную составляющую.

Структура экспорта-импорта и экономический рост

Ещё одно подтверждение технологического отставания России – незначительная доля на рынках передового производства. Например, при типе рынка Индустрия 3.0 на мировом рынке электроники доля Китая – 14,3 %; Тайваня – 10,8 %; России – 0,1 %. На мировом рынке ИКТ Китай имеет долю 37,8 %; США – 7,5 %; Россия – 0,2 %. При типе рынка Индустрия 4.0 на мировом рынке аддитивного производства Германия имеет долю 23,4 %; Китай – 15,9 %; Россия – около 0,1 %. На мировом рынке биотехнологий Швейцария занимает 16,5 %; Германия – 15,8 %; Бельгия – 9,4 %; Россия – около 0,1 %⁹. Всё это делает отечественную экономику технологически зависимой.

Технологическое отставание РФ влияет и на структуру экспорта. Анализируя данные таможенной статистики внешней торговли, представленные Федеральной таможенной службой, можно заметить явный сырьевой характер отечественного экспорта (рис. 5). Так, с 2006 по 2014 г. доля топливно-энергетических товаров в товарном экс-

⁹ Товарная структура импорта. Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/folder/521> (дата обращения: 14.09.2023).

порте России приблизительно равнялась 70 %¹⁰. Это доказывает, что Россия имеет сырьевую специализацию в международном разделении труда, обусловленную наличием огромных минеральных запасов и технологическим отставанием от развитых стран.

Рис. 5. Нефтегазовый экспорт и нефтегазовые доходы федерального бюджета (составлено автором по данным Федеральной таможенной службы // Документы ТСВТ. Федеральная таможенная служба. URL: <http://stat.customs.gov.ru/documents> (дата обращения: 13.11.2022); по данным Центробанка России // Экспорт Российской Федерации сырой нефти. Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 13.11.2022) и данным Минфина // URL: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2020/12/main/2021-2023.pdf>; https://minfin.gov.ru/ru/press-center?id_4=38145-o_srednei_tsene_na_neft_marki_urals; <https://customs.gov.ru/press/federal/document/306947?ysclid=lapg3yudqii684831246> (дата обращения: 14.09.2023)

Более того, от нефтегазовой экспортной выручки зависит доходная часть федерального бюджета России (см. рис. 5). Размер выручки, в свою очередь, зависит от физического объёма экспорта нефти и газа и рыночной цены на них. То есть конъюнктура нефтегазового рынка сильно влияет на размер нефтегазовых поступлений в бюджет. О так называемой нефтяной игле неоднократно заявляли именитые российские экономисты и политики. Проводя анализ данных ЦБ РФ об экспорте нефти, отметим нестабильность средних экспортных цен на данный ресурс¹¹, что, в свою очередь, ведёт к нестабильности нефтегазовых доходов федерального бюджета (рис. 6).

Продолжая тему «нефтяной иглы», посмотрим, как объём экспорта углеводородов влияет на экономический рост в России. На рис. 7 видно, что при падении объёма минерального экспорта происходит снижение ВВП. Так, например, в 2008 г. объём экспорта минеральных товаров уменьшился на 30 %, а ВВП – на 8 %. Также можно заметить влияние сокращения экспорта углеводородов на рецессию ВВП в 2014 г. На графике видна прямая зависимость между объёмом минерального экспорта и ростом ВВП. Это говорит о том, что десятилетняя стагнация ВВП связана не только с технологической отсталостью и

¹⁰ Документы ТСВТ. Федеральная таможенная служба. URL: <http://stat.customs.gov.ru/documents>. (дата обращения: 13.11.2022).

¹¹ Экспорт Российской Федерации сырой нефти / Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.

нехваткой ПИИ, но и с фактором «нефтяной иглы». Современная экономическая система должна быть диверсифицированной и гибкой, чтобы минимизировать влияние изменения конъюнктуры рынка или экономических потрясений на экономический рост и уровень благосостояния граждан. Мы согласны с мнением экономистов, которые, исследуя особенности национальных моделей экономического роста, пришли к выводу о необходимости учёта таких особенностей при построении экономической политики страны и межстрановых отношений в рамках, например Евразийского союза [13, с. 264].

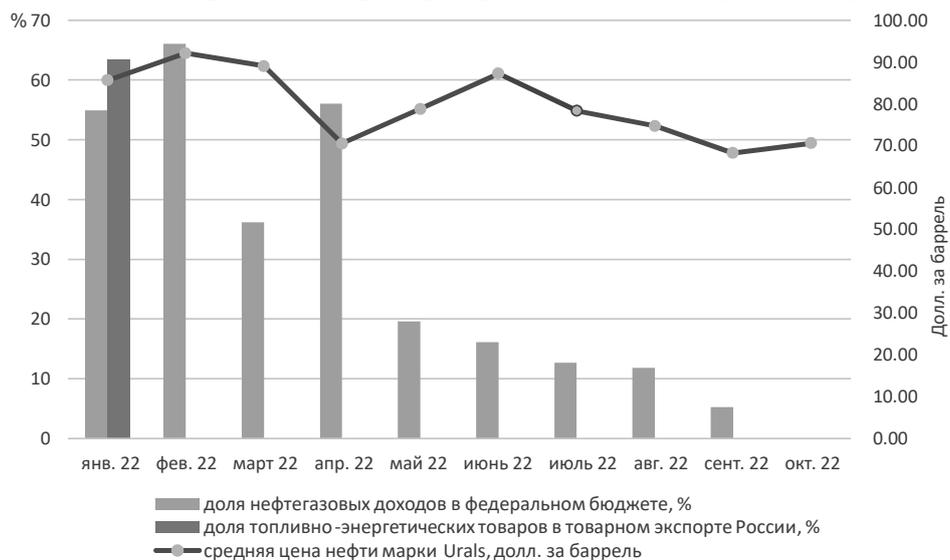

Рис. 6. Доля нефтегазовых доходов в Федеральном бюджете с января по октябрь 2022 г. (составлено автором по данным Федеральной таможенной службы // Документы ТСВТ. Федеральная таможенная служба. URL: <http://stat.customs.gov.ru/documents> (дата обращения: 13.11.2022); Росстата // ВВП годы (с 1995 г.); Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s_1995.xls (дата обращения: 14.09.2023))

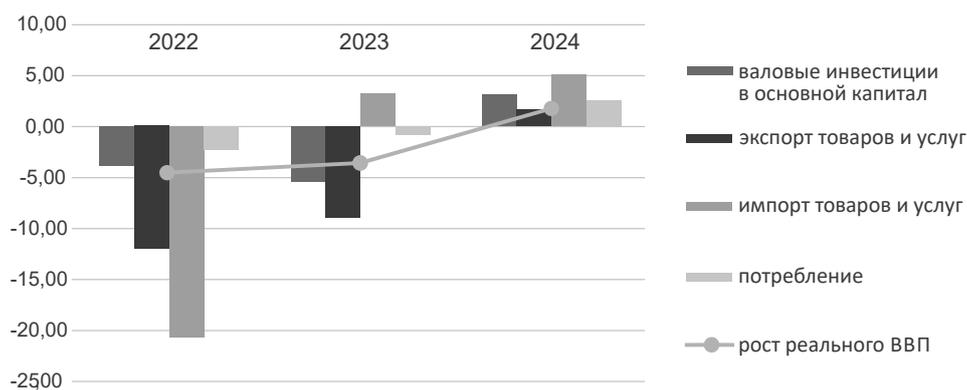

Рис. 7. Рост реального ВВП РФ и его структура на 2022–2024 гг. (Росстат и World Bank // Europe and Central Asia Economic Update. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/europe-and-central-asia-economic-update>) (дата обращения: 02.09.2023)

По данным Всемирного банка, положительный рост реального ВВП (1,65 %) будет достигнут в 2024 г. Потребление частного сектора в 2024 г. также достигнет положительного результата (1,6 %). В потреблении государственного сектора с 2022 по 2024 г. происходит снижение показателей, в 2024 г. потребление будет «восстановлено» (2,6 %). Валовые инвестиции в основной капитал наберут положительное движение тоже к 2024 г. (3,2 %). Аналогичная ситуация с экспортом, рост которого в 2024 г. составит 1,6 %, рост импорта уже в 2023 г. достигнет 3,3%.

Умеренный рост ВВП ожидается в 2024 г. при восстановлении внутреннего спроса и экспорта. Ожидается, что рост будет очень низким, поскольку Россия утратила доступ к ключевым источникам производительности. Инфляция потребительских цен вырастет до 13,9 % в течение 2022 г. и останется выше целевого показателя Центрального банка РФ (4 %).

Как показывают расчёты, сделанные на базе данных Росстата и Мирового банка, после существенного спада в 2022 г. начнётся постепенный рост в 2023–2024 гг., который в значительной мере восстановит ситуацию, сложившуюся к началу 2022 г. (см. рис. 7). Отчасти этому будут способствовать сильно выросшие за 2022 г. цены на нефть и газ (рис. 8).

Рис. 8. Изменения цен на нефть и газ с февраля по сентябрь 2022 г. (источник: Global Monthly, October 2022. P. 2.)

Однако в результате санкций, введённых против России в 2022 г., и наших контрсанкций инфляция в Европе приобрела колоссальные размеры. По расчётам Всемирного банка, в сентябре 2022 г. она превысила 10 %. Ниже (рис. 9) приведены данные по инфляции в Германии за последние 25 лет.

Рис. 9. Инфляция в Германии (источник: Сайт Бундесбанка. URL: <https://www.bundesbank.de/en>) (дата обращения: 05.07.2023)

Воздействие неэнергетических факторов оказалось ещё более существенным (рис. 10).

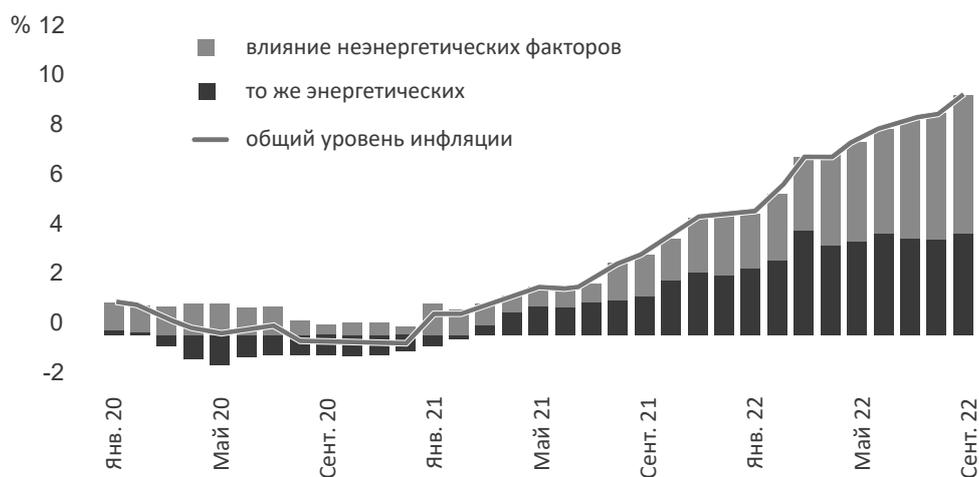

Рис. 10. Инфляция в Евроне, январь 2020 – сентябрь 2022 г. (источник: Global Monthly, October 2022. P. 4)

Не удивительно, что глобальный экономический рост в 2022 г. имеет ярко выраженную тенденцию к снижению, а инфляция – к росту. Это создаёт предпосылки новой рецессии, и прогнозы роста глобальной экономики на следующий год понижаются, что не случайно. Опыт предыдущих рецессий показывает, что их начало было подготовлено снижением темпов экономического роста.

Ожидаемое ужесточение денежно-кредитной политики, к сожалению, оказалось неспособно снизить инфляцию. И хотя мнения ведущих экономистов раздели-

лись, все согласны с тем, что даже если мировая экономика избежит рецессии в 2023 г., она испытает резкое замедление (рис. 11).

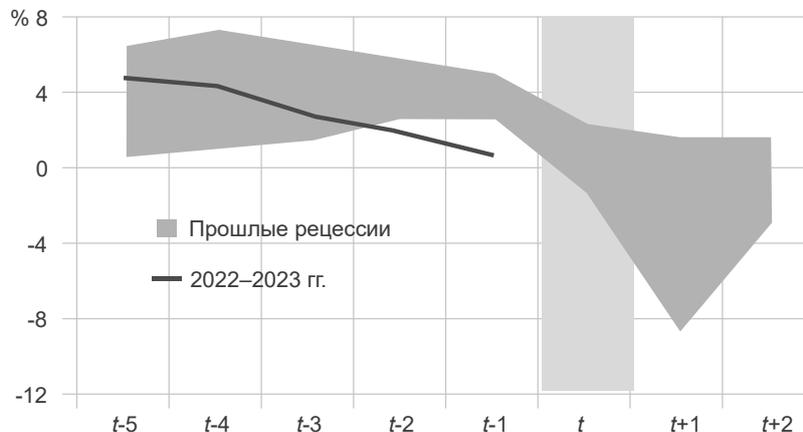

Рис. 11. Рост мирового ВВП в период глобальной рецессии (источник: Global Monthly, October 2022. P. 5)

Поэтому необходимо использовать все доступные меры, чтобы снизить инфляцию и замедлить резкое падение экономического роста. Это позволит вернуться к траектории развития мирового ВВП. Пандемия-2019, хотя и замедлила темпы роста, но не отменила наметившуюся ранее тенденцию. События 2022 г. привели к существенному отклонению мировой экономики от намеченного курса (рис. 12).

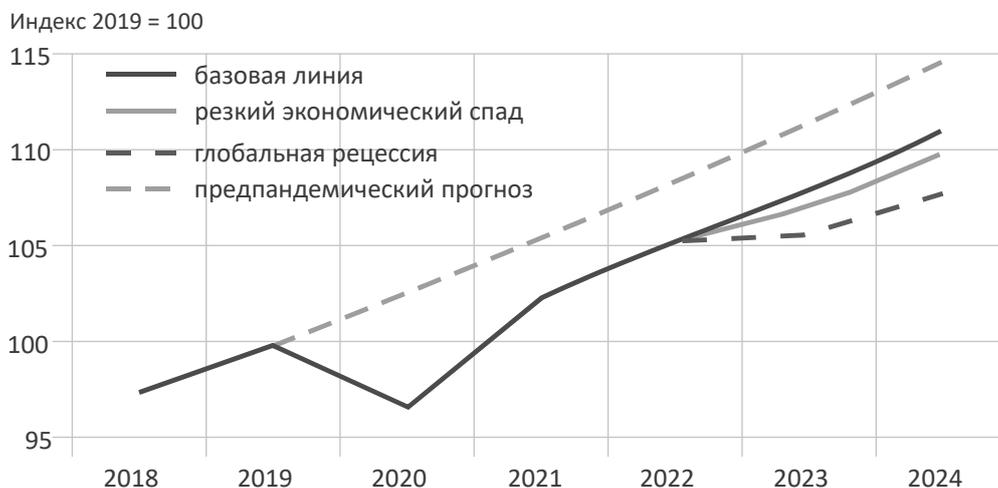

Рис. 12. Эволюция мирового ВВП, 2018–2024 гг. (источник: Global Monthly, October 2022. P. 6)

Чтобы вывести экономику России из длительной стагнации, необходимо пересмотреть вектор её развития, поскольку сырьевой ориентир РФ в мировом разделении труда не может обеспечить стабильного экономического роста и уровня благо-

состояния граждан [14–16]. Добавим, что любое производство должно обладать конкурентными преимуществами перед китайской технологией. Хотя у России по-прежнему остаётся возможность перехода к несырьевому характеру экспорта, создания товаров с высокой добавленной стоимостью, переработки сырьевых товаров и продажи товаров конечного использования (не просто нефти, а продуктов её переработки до бензина, керосина, полипропилена и прочих химических товаров). Для этого следует создавать такие производства, повышать их рентабельность, оптимизировать затраты, увеличивать производительность труда работников. Всё это невозможно без развития точного машиностроения, микроэлектроники, IT-технологий, аддитивного производства, биотехнологий. Значит, на данное направление надо привлечь больше финансовых ресурсов со стороны как государства, так и частного сектора. Это возможно за счёт создания крупномасштабного фонда развития высоких технологий из части доходов от экспорта углеводородов. Правительство РФ должно наладить общение с крупным, средним и малым бизнесом для выявления потребностей в конкретных технологиях и ресурсах. Именно предприниматели должны внедрять высокие технологии. Помимо этого, государству следует детально изучить барьеры, мешающие развитию МСП в регионах, и принять меры по развитию МСП: выделить гранты, субсидии, беспроцентные кредиты предпринимателям, ведущим наиболее важный для региона бизнес, работающим на импортозамещение и пр. Государственный аппарат обязан проработать вопрос среды ведения бизнеса в России. Это касается коррупционной, мошеннической, налоговой и патентной составляющих. Новая политика государства в отношении бизнеса должна стать одним из способов борьбы с экономическими проблемами.

Посмотрим на решение проблемы под другим углом. В аналитическом отчёте «Global wealth report 2021» крупного швейцарского банка *Crédit Suisse* приведены следующие факты: на протяжении 20 лет 1 % россиян принадлежало свыше 55 % национального богатства, в то время как 1 % японцев принадлежало около 20 % национального богатства, а 1 % немцев – около 30 %. Это говорит об экономической дифференциации населения, что является прямым следствием экономических реформ в начале российской государственности. Данный факт тормозит развитие бизнеса в России, так как 99 % россиян принадлежит около 45 % всех благ, т. е. у 99 % россиян очень мало ресурсов для открытия собственного бизнеса. Решить проблему можно за счёт перехода к прогрессивной ставке налогообложения [17, с. 50]. Для этого необходимо через механизмы государственного перераспределения сверхвысокие доходы одного процента граждан направить на развитие регионов и экономики в целом. Есть и другая проблема, которую не решить только перераспределением налогов [18, с. 112].

Отметим, что существует множество путей выхода из сложного экономического положения, но самое верное и надёжное – реализация принципа диалога государства и бизнеса, государства и общества, вследствие чего государственное вмешательство в экономику должно стать чётким и эффективным, а изменения в экономике и обществе – прогрессивными. Необходимо использовать новые достижения управленческой мысли в области регионоведения, резервы институционального подхода [19, с. 22]. Возможно использование принципов проектирования управления местными коллективными ресурсами Эленор Остром – нобелевского лауреата в области экономики «за анализ экономического управления». По сути, в её труде речь идёт о том, как общая собственность может успешно управляться группами людей [20]. Предложено восемь принципов, основанных на установлении права на ресурс, меха-

низме коллективного принятий решений и наличии санкций за нарушение правил пользования ресурсом. Эленор Остром и Оливер Уильямсон получили Нобелевскую премию за успешное управление людьми, а не правительствами, т. е. без государственного регулирования лесами, землями, рыбными запасами, месторождениями полезных ископаемых, пастбищами. Этому надо учиться. И чем быстрее это произойдет в регионах, тем скорее мы увидим положительные проявления предложений институционального направления управленческой мысли. Здесь не может быть единого правительства учреждения на федеральном уровне по выработке коллективных действий. Э. Остром рекомендует полицентрический подход, предполагающий принятие основных управленческих решений непосредственными участниками и как можно ближе к месту событий. Созданные коллективы принятия решений в наших регионах вполне могут с этим справиться.

И второй, не менее важный момент: в условиях преимущественно военной направленности отечественного промышленного производства, на наш взгляд, необходимы диверсификация газовой промышленности (в сторону централизации) и цифровизация. Последние перечисленные моменты совершенствования отечественного производства должны привести к повышению фондоотдачи капитала или его предельной производительности, и как результат – к наращиванию темпов экономического роста.

Список литературы

1. Черняев, А. Подход оптимального управления в задачах о распределении дохода на потребляемую и инвестируемую части / А. Черняев // Достижения в области системных наук и приложений. – 2022. – № 22 (2). – С. 109–119. <https://doi.org/10.25728/assa.2022.22.2.1257>.
2. Tarasova V., Tarasov V. (2016) Fractional Dynamics of Natural Growth and Memory Effect in Economics European Research. European Research, 12(23), pp. 30–37.
3. Bevan A. A., Estrin S. (2004) The Determinants of Foreign Direct Investment into European Transition Economies. Journal of Comparative Economics, 32(4), pp. 775–787.
4. Gligorić D., Borović Z., Vujanić V. (2017) Impact of Foreign Direct Investment on the Economic Growth: The Case of Commonwealth of Independent States. Proceedings of the Faculty of Economics in East Sarajevo, 15, pp. 23–35.
5. Ashurov S., et al. (2020) The Determinants of Foreign Direct Investment in Central Asian Region: A Case Study of Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Uzbekistan (A Quantitative Analysis Using GMM). Russian Journal of Economics, 6, pp. 162–170.
6. Hrechyshkina O., Samakhavets M. (2018) Importance of Foreign Direct Investment in Financing for Innovative Development of the Republic of Belarus. Marketing and Management Innovation, 4, pp. 339–348.
7. Burakov D., Intse M., Freidin M. (2018) Energy Consumption, Energy Consumption, Trade, Openness and Exchange Rate Impact on Foreign Direct Investment in Union State of Russia and Belarus. International Journal of Energy Economics and Policy, 4(8), pp. 77–82.
8. Бузгалин, А. В. Рост и/или развитие: специфика российской экономической модели / А. В. Бузгалин, К. Хубиев, И. М. Теняков, А. Заздравных // Общество и экономика. – 2021. – № 12. – С. 16–44.

9. Катухов, Д. Д. Фактор созидательного разрушения в современных моделях и политике экономического роста / Д. Д. Катухов, В. Е. Малыгин, Н. В. Смородинская // Вопросы экономики. – 2019. – № 7. – С. 95–118.
10. Kang T., Baek C., Lee J. (2017) The Persistency and Volatility of the Firm R&D Investment: Revisited from the Perspective of Technological Capability. *Research Policy*, 46(9), pp. 1570–1579.
11. Cruz-Cázares C., Bayona-Sáezb C., García-Marco T. (2013) You Can't Manage Right What You Can't Measure Well: Technological Innovation Efficiency. *Research Policy*, 42 (6-7), pp. 1239–1250.
12. Vlasov S. V. (2021) Strategic Priorities of Regional Investment Policy for Advanced Technological Development (The Case of Sverdlovsk Region in Russia). *R-Economy*, 4(7), pp. 276–288.
13. Sukharev O. S., Voronchikhina E. N. (2021) Comparative Structural Analysis of Economic Growth in Countries of the Eurasian Economic Union. *R-Economy*, 4(7), pp. 244–265.
14. Николайчук, О. А. Прошлое и настоящее рентных отношений в России / О. А. Николайчук // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Экономика. – 2003. – № 3 (21). – С. 67–76.
15. Николайчук, О. А. Возможна ли инновационная экономика в России? / О. А. Николайчук // Финансовый журнал. – 2011. – № 1 (7). – С. 63–72.
16. Николайчук, О. А. Отношения собственности и земельная рента / О. А. Николайчук // Государственный университет Минфина России. Финансовый журнал. – 2012. – № 4 (14). – С. 41–46.
17. Pugachev A. A. (2022) Taxation-Based Indicators as a Measure of Income Inequality in Russian Regions. *Journal of Tax Reform*, 8(1), pp. 40–53.
18. Suvorova A. V. (2022) Territorial Capital of Russian Regions and Its Spatial Organization. *R-Economy*, 8(2), pp. 106–119.
19. Нуреев, Р. М. Регионалистика: резервы институционального подхода / Р. М. Нуреев // *Terra Economicus*. – 2009. – Т. 7, № 2. – С. 18–41.
20. Остром, Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. / Э. Остром – 2-е изд. – М.; Челябинск: Социум, 2020. – 449 с.

References

1. Chernyaev A. (2022) Podkhod optimal'nogo upravleniya v zadachakh o raspredelenii dokhoda na potrebyayemuyu i investiruyemuyu chasti [Optimal Control Approach to Problems of Income Distribution into Consumed and Invested Parts]. *Achievements in Systems Science and Applications*, 22(2), pp. 109–119. <https://doi.org/10.25728/assa.2022.22.2.1257>
2. Tarasova V., Tarasov V. (2016) Fractional Dynamics of Natural Growth and Memory Effect in Economics European Research. *European Research*, 12(23), pp. 30–37.
3. Bevan A. A., Estrin S. (2004) The Determinants of Foreign Direct Investment into European Transition Economies. *Journal of Comparative Economics*, 32(4), pp. 775–787.
4. Gligorić D., Borović Z., Vujanić V. (2017) Impact of Foreign Direct Investment on the Economic Growth: The Case of Commonwealth of Independent States. *Proceedings of the Faculty of Economics in East Sarajevo*, 15, pp. 23–35.
5. Ashurov S., et al. (2020) The Determinants of Foreign Direct Investment in Central Asian Region: A Case Study of Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Uzbekistan (A Quantitative Analysis Using GMM). *Russian Journal of Economics*, 6, pp. 162–170.

6. Hrechyshkina O., Samakhavets M. (2018) Importance of Foreign Direct Investment in Financing for Innovative Development of the Republic of Belarus. *Marketing and Management Innovation*, 4, pp. 339–348.

7. Burakov D., Intse M., Freidin M. (2018) Energy Consumption, Trade, Openness and Exchange Rate Impact on Foreign Direct Investment in Union State of Russia and Belarus. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 4(8), pp. 77–82.

8. Buzgalin A. V., Khubiev K., Tenyakov I. M., Zazdravnykh A. (2021) Rost i/ili razvitiye: spetsifika rossiyskoy ekonomicheskoy modeli [Growth And/or Development: Specifics of the Russian Economic Model]. *Society and Economics*, 12, pp. 16–44.

9. Katukov D. D., Malygin V. E., Smorodinskaja N. V. (2019) Faktor sozidatel'nogo razrusheniya v sovremennykh modelyakh i politike ekonomicheskogo rosta [The Factor of Creative Destruction in Modern Economic Growth Models and Growth Policy]. *Questions of Economics*, 7, pp. 95–118.

10. Kang T., Baek C., Lee J. (2017) The Persistency and Volatility of the Firm R&D Investment: Revisited from the Perspective of Technological Capability. *Research Policy*, 46(9), pp. 1570–1579.

11. Cruz-Cázares C., Bayona-Sáez C., García-Marco T. (2013) You Can't Manage Right What You Can't Measure Well: Technological Innovation Efficiency. *Research Policy*, 42 (6-7), pp. 1239–1250.

12. Vlasov S. V. (2021) Strategic Priorities of Regional Investment Policy for Advanced Technological Development (The Case of Sverdlovsk Region in Russia). *R-Economy*, 4(7), pp. 276–288.

13. Sukharev O. S., Voronchikhina E. N. (2021) Comparative Structural Analysis of Economic Growth in Countries of the Eurasian Economic Union. *R-Economy*, 4(7), pp. 244–265.

14. Nikolaichuk O. A. (2003) Proshloye i nastoyashcheye rentnykh otnosheniy v Rossii [The Past and the Present of Rent Relations in Russia]. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 3 (21), pp. 67–76.

15. Nikolaichuk O. A. (2011) Vozmozhna li innovatsionnaya ekonomika v Rossii? [Can Russia Build an Innovation Economy?]. *Financial Journal*, 1(7), pp. 63–72.

16. Nikolaichuk O. A. (2012) Otnosheniya sobstvennosti i zemel'naja renta Moscow: Gosudarstvennyy universitet Minfina Rossii. *Finansovyy zhurnal. № 4 (14)*. S. 41–46.

17. Pugachev A. A. (2022) Taxation-Based Indicators as a Measure of Income Inequality in Russian Regions. *Journal of Tax Reform*, 8(1), pp. 40–53.

18. Suvorova A. V. (2022) Territorial Capital of Russian Regions and Its Spatial Organization. *R-Economy*, 8(2), pp. 106–119.

19. Nureyev R. M. (2009) Regionalistika: rezervy institutsional'nogo podkhoda [Regionalism: Reserves of the Institutional Approach]. *Terra Economicus*, 7(2), pp. 18–41.

20. Ostrom E. (2020) *Upravlyaya obshchim. Evolyutsiya institutov kollektivnoy deyatelnosti* [Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Actions]. 2nd edition. Moscow, Chelyabinsk: Sotsium. 449 p.

O. A. Nikolaichuk¹². Economic Growth of Russia in the Context of Global Transformation. The causes and consequences of unstable economic growth in modern Russia are revealed against the background of a decrease in investment activity and, as a result, living standards. The dynamic indicators of GDP, including per capita, R&D expenditures, are analyzed, special attention is paid

¹² *Olga A. Nikolaichuk*, Professor of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russia), Doctor of Economics, e-mail: OANikolaichuk@fa.ru

to the prolonged stagnation of GDP and the lag of this indicator from developed countries. The problems of reducing FDI and their instability over the past 14 years are noted. The correlation coefficient is calculated, reflecting a positive moderate relationship between FDI and Russia's GDP. The reduction of R&D costs, Russia's technological lag, the consequences of using the "oil needle", the underdevelopment of SMEs are factors that hinder stable economic growth, the development of domestic technologically intensive production and the increase in the welfare of citizens. In order to get the Russian economy out of long-term stagnation, it is proposed to revise the vector of economic development from raw materials to processing industries of raw materials and the sale of end-use goods, not just oil, but its processed products to gasoline, kerosene, polypropylene and other chemical goods with cost optimization and an increase in employee productivity. It is proposed to do this by creating a large-scale fund for the development of high technologies from part of the income from the export of hydrocarbons. The state apparatus as a whole should work out the issue of the business environment in Russia. This concerns the corruption, patent, fraudulent, tax component in this area. The new state policy towards business should become one of the ways to combat economic problems. It is proposed to switch to a progressive tax rate and, through the mechanisms of state redistribution of ultra-high incomes of one percent of citizens, direct them to the development of regions and the economy as a whole. It is concluded that the solution to the problem of the breakthrough of the domestic economy lies in the search for a dialogue between the state and business, the state and society, the use of new achievements of managerial thought in the field of regional studies, reserves of the institutional approach.

Keywords: stagnation of GDP, economic crisis, foreign direct investment, technological lag, "oil needle", structure of imports and exports, SMEs, economic differentiation of the population, institutional approach.